

Мировая социальная драма пандемии и рецессии

Леонид М. Григорьев¹

¹ НИУ ВШЭ, Москва, 101000, Россия

Получено 6 April 2020 ♦ Принято в печать 16 April 2020 ♦ Опубликовано 22 April 2020

Цитирование: Grigoryev LM (2020) Global social drama of pandemic and recession. Population and Economics 4(2): 18–25. <https://doi.org/10.3897/pop econ.4.e53325>

Аннотация

Мировая драма пандемии вызвала серьезное сокращение потребления состоятельных слоев населения, безработицу и изоляцию. Множество людей отброшено на уровень удовлетворения лишь базисных потребностей по пирамиде Маслоу. Адаптация к новой ситуации идет тяжело, но занятые более интеллектуальной деятельностью, в частности профессора университетов, имеют больше шансов сохранить работу. Выход из рецессии еще далеко, и он будет сопровождаться решением проблемы сертификации территорий и кризиса доверия для того, чтобы люди вышли за пределы проверенных на эпидемиологическую обстановку районов своих стран. Мораль, литература, воспоминания будут, видимо, меняться так, как это происходило в периоды больших войн прошлого.

Ключевые слова

коронавирус, пандемия, мировая рецессия, социальный кризис

Коды JEL: D31, D63, E21, L83

Откуда пришел вирус в Россию? Вице-премьер России Татьяна Голикова 4 апреля публично сообщила, что лидерами среди стран, откуда в Россию была завезена коронавирусная инфекция COVID-19, стали Италия, Испания, Франция, Германия и ОАЭ. И особенно отметились те группы наших граждан, кто решил «по-быстрому» слетать по дешевеющим туристическим путевкам в страны Западной Европы и Персидского залива в конце февраля — начале марта, что нам всем дорого обходится. А более обеспеченные продолжали летать потому, что у них везде «бизнес-класс». Поэтому в центре эпидемии в нашей стране оказалась более состоятельная и транзитная Москва! Но это все-таки вторая волна заражения, а первой волны из Китая России удалось избежать, поскольку в январе у нас закрыли границу с этой страной (по данным Росстата, в 2019 г. в Китае побывало 2,8 млн россиян, а китайцев в России — 1,9 млн (60% в Москве и Петербурге)). Фронтные сводки борьбы с пандемией звучат вполне устрашающе: в мире на 13 апреля почти 2 млн заболевших, более 100 тыс. умерших, сотни миллионов самоизолированных.

Первая пандемия, по которой будет ясная статистика...

Нынешняя пандемия сама по себе – это не самая страшная полоса в истории человечества по сравнению с «испанкой» и Великой чумой XIV в., изменившей ход социального развития в Европе. Страшные итоги испанского гриппа весны 1918 г. перемешались с потерями последнего года Первой мировой и были отчасти нивелированы радостью от окончания войны и возвращения домой выживших солдат. Однако, как мы знаем, Первая мировая война и Октябрьская революция сломали тот относительно стабильный мир, который продержался почти 100 лет со времени Венского конгресса 1814–1815 гг. и «кочующего деспота» — Александра I. Пандемия 1918 г. внесла в этот процесс свою лепту, которую, однако, трудно вычленишь из последствий столь выдающихся катастроф. Так что окончание войны, распад нескольких империй и наша революция почти совпали с пандемией во времени. После чего мир пришел в новое неустойчивое равновесие между двумя мировыми войнами. А Великая депрессия 1929–1932 гг. потрясла экономику развитых стран, особенно США, Германии, так что мы теперь оглядываемся на нее при оценке худших вариантов развития ситуации.

Как ни парадоксально, мы пока лучше осведомлены о последствиях чумы 1340-х гг.: потеря половины населения Европы и увеличение рукотворных активов на душу выжившего населения; ослабление крепостного права после роста независимости городов в XI–XIII вв.; снижение тяги к крестовым походам; возврат хорошей экологии и крупных зверей. Естественно, умники рисуют будущее после нынешних пандемии и рецессии с удивительной уверенностью, поскольку они пытаются захватить рынок общественного внимания. В условиях пандемии в период сложного оружия и больших данных ответственность науки очень велика.

Настал глобальный карантин

Для начала оценим ситуацию на середину апреля 2020 г. Социальная, культурная, личная жизнь, как мы ее знали еще недавно в рамках более или менее развитых стран (1,5 млрд из 7,5 млрд человек) — гедонистическая, мобильная, очень неравномерная по социальным слоям, географии, типам регионов — заморожена с марта и, видимо, до лета 2020 г. Эпицентры этой социальной ломки — Западная Европа и США. Везде идет рост числа заболевших, хотя по состоянию на апрель 2020 г. у нас в стране еще нет такого роста потерь, как в Нью-Йорке, городах Ломбардии и Испании. Все внимательно следят за Швецией, в которой заболеваемость нарастает, но страна продолжает эксперимент, не вводя карантина, надеясь на скандинавский образ жизни и приобретение иммунитета на будущее.

В Китае начинается восстановление производства при значительных ограничениях. Индия закрылась в опасении повторения «испанки» (по некоторым источникам [Почему..., 2020], было 25 млн погибших в этой эпидемии). Остальные развивающиеся страны с их неравенством и скученностью населения в больших городах стоят перед серьезными испытаниями и рисками, но это тема отдельной работы. Пока приходится просто констатировать, что развитые страны потеряли «роль и лицо» в мировом театре. Их системы здравоохранения не выдержали первого удара, хотя в принципе должны в будущем выиграть войну с вирусом, собравшись с силами. Пока Китай остановил распространение инфекции внутри страны, возобновил экспорт некоторых товаров в страны ОЭСР.

В острый момент пандемии политики обсуждают рост мягкой силы Китая, который стал помогать ряду стран специалистами и материалами. Россия также оказалась способной к ограниченной помощи в момент мирового паралича кооперации.

Вирус как триггер рецессии

Первая особенность сдвоенного (пандемия и рецессия) кризиса состоит в том, что триггером в этот раз стали не долги, финансы и банкротства, как обычно и как было в 2008 г., а запреты на определенные виды личного потребления приказами органов власти. В развитом мире остановлено несколько крупных отраслей экономики: розничная торговля (кроме продовольствия и аптек), авиатранспорт, значительная часть автомобильного и морского транспорта. Встала вся мировая система массовой рекреации: от пикников и зоопарков до больших стадионов и целых туристских зон, что ударит по малым странам, островам в тропиках, приведет к платежным и бюджетным кризисам. Исключения составляют фармакология, здравоохранение, продовольственные магазины, доставка на дом и т.п.

Вторая характерная особенность рецессии, возникшей в ходе пандемии, состоит в том, что вирус переносили не бедные, а состоятельные слои общества: «верхнего среднего» в деловых поездках и в туризме бизнес-классом; «среднего среднего» класса — в массовом туризме.

МВФ пишет программы помощи для половины мира, но поддержка бюджетов вряд ли предотвратит социальные кризисы. Распространение кризиса по цепочке отраслей в мире идет от конечного личного потребления и уже вызвало сокращение производства, потребления, экспорта, дальше пойдут вниз инвестиции. Первыми под удар попали предприятия по цепи в торговле, туризме, транспорте и весь малый и средний бизнес в развитых странах. В результате идет резкое падение ВВП, финансовые и долговые проблемы бизнеса переводят ситуацию в глубокую мировую рецессию.

Апрельский «Обзор мировой экономики» МВФ [ИМФ, 2020] дал оценку текущей ситуации и прогноз на 2020 и 2021 гг. при ключевом предположении, что пандемия закончится в первой половине текущего года. Прогноз в этом отношении выглядит, на наш взгляд, мягким и успокаивающим на фоне той «великой блокировки» (The Great Lockdown — термин МВФ), которая сейчас повсеместно происходит. Речь идет о падении мирового ВВП в 2020 г. «всего» на 3% (напомню, в 2009 г. оно составило минус 0,5%) и снижении мировой торговли на 11% (с прогнозом роста на 8,4% в 2021 г.). Это произойдет, если цена на нефть (благодаря событиям в рамках ОПЕК+) останется в 2020 г. на уровне 35,61 доллара США за баррель, а в 2021 г. подрастет до 37,87 доллара США. Рост ВВП Китая остается в 2020 г. положительным — 1,2% (в 2021 г. рост 8,5%), ВВП развитых стран сначала упадет (-6,1%), затем будет расти (4,5%). ВВП России снижается, по прогнозу, на 5,5%, США — на 5,9% и ЕС — на 7,1%. МВФ пока весьма оптимистичен в отношении восстановления роста в 2021 г.: экономика мира вырастет на 5,8%, России — на 3,5%, США — на 4,7%, ЕС — на 4,8% [ИМФ, 2020]. В прогнозе заложена вера в устойчивость нового соглашения ОПЕК+ и отсутствие иных отягчающих проблем и конфликтов. Прямо скажем, что это был бы не самый тяжелый вариант развития события из всех возможных, но и он чрезвычайно жесткий для населения большинства стран. Можно сказать, что он предполагает значительный сдвиг баланса в пользу развивающихся стран, в частности Китая.

Правда, в этой ситуации есть некий элемент везения: кризис уже очень тяжелый, но он нечто вроде «искусственной комы» («великая блокировка»). Его могло не быть, и он не начался в остром финальном периоде перегрева в конце подъема, периода дисбалансов, сжатия ликвидности, начавшихся банкротств, как это бывало обычно. Это дает некоторый шанс на восстановление при условии быстрого окончания пандемии и запуска всех вышеуказанных отраслей. Однако трудно себе представить быструю сертификацию «чистоты» от вируса стран, городов, курортов, ресторанов. Это будет схоже с открытием регионов для иностранных туристов после террористических атак — уже тихо, но трудно гарантировать безопасность. При второй волне, которая может начаться где-то по недосмотру или в силу мутации вируса, ситуация выйдет в неопределенность.

Грустная социология момента

В данный момент приходится ограничиваться максимально реалистичными характеристиками происходящих социальных процессов, пока у жителей всех стран есть страх перед страшной болезнью, не возникли новые бедные, не пришли апатия, безразличие и усталость от длительной изоляции. В обозримом будущем (зависит от продолжительности пандемии и рецессии) чувство безнадежности и зависимости от пандемии и всех связанных с ней ограничений может вызвать в мире спрос на очень существенные перемены. В июле апрельская «повестка дня» обновится или даже изменится, но список важных вопросов, скорее всего, сохранится:

- Как меняется социально-экономическая среда?
- Какие отрасли мировой экономики пострадали?
- Какие социальные страты общества пострадали или выиграли?
- Что происходит с неравенством?
- Как идет ломка и адаптация потребительского поведения (по Маслоу)?
- Как меняется жизнь семей временно, а что трансформируется надолго?

Итак, массы людей во всем мире (закрывшемся от вируса) как минимум изолированы, замкнуты в семье, лишены привычных занятий, доходов. Уже замечены рост насилия в замкнутом пространстве и рост разводов в Ухане после снятия карантина: видимо, люди впервые оказались столь длительное время в ситуации избытка свободного времени на ограниченном пространстве. Однако остановка личного потребления состоятельных слоев общества — третья и крайне необычная особенность этой рецессии — представляет собой грандиозное событие в сфере выравнивания потребления. Состоятельные слои (пятый квинтель), видимо, менее других страдают от падения доходов (даже у пострадавших бизнесменов не должно произойти мгновенных потерь личных доходов и сбережений). Остановка привычного потребления — это принудительный рост нормы сбережений и в известной мере отложенный спрос на путешествия, рестораны и т.п., включая и покупки товаров длительного пользования. Фазе кризиса в принципе характерен эффект «защитной модели потребления»: расходы на потребление сокращаются больше, чем снижается доход [Григорьев, Салмина, 2009]. По доходам и богатству неравенство, видимо, увеличивается, а по текущему потреблению на короткий период оно сокращается, т.е. возникает так называемый «эффект войны» (в американских кинофильмах времен Второй мировой войны в титрах стояла ремарка: «Все продовольствие в картине — искусственное»). По сути, происходит интересный эксперимент в экономике мирного времени — сжатие потребления в ходе

незавершенного подъема при неопределенности его сроков. Прав был Вальтер Шайдель в своем произведении «Великий уравниватель» [Scheidel, 2017] в том, что войны, катастрофы и эпидемии (насилие в широком смысле слова) сокращают неравенство.

Пирамида потребностей Маслоу

Различные социальные слои, различные слои по образованию, различные группы по вкусам (от футбола до консерватории) лишены возможности заполнять свое время любимыми занятиями. Всем взамен предложена неограниченная масса телевидения и информационных сетей, практически «информационная диета», хотя при множестве каналов и вариантов. Если мы взглянем на ситуацию с точки зрения пирамиды Маслоу, то увидим большие потери на третьем и четвертом уровнях — социализации и признания для многих, кроме, разумеется, медицинских работников. Верхние три «этажа» — творчество, эстетика и духовные потребности — обращены теперь вовнутрь, на ближних или на тех людей и формы реализации, которые доступны по сетям. Вдруг общество оказалось отброшенным — без потери богатств и образования — к потребности в безопасности и физиологическим потребностям. Это не проходит бесследно ни как эксперимент в группе у психологов, ни тем более как массовый эксперимент на большом числе людей и на неопределенно длительное время.

Еще одна (четвертая) необычная особенность данной рецессии – вынужденная остановка отраслей услуг для предотвращения скученности людей. Это первый случай, когда услуги населению так серьезно пострадали в кризис, а тут они стали частью механизма его запуска. Специфика услуг, заключающаяся в том, что производство и потребление происходят одновременно, создает целый ряд различий: одно дело – индивидуальные услуги (например, парикмахерские), другое дело — театры; кто-то потерял услугу и изменил образ жизни, а кто-то потерял доход и т.д. Теперь многим людям надо искать формы поддержания работоспособности и новые формы заработка. Наверное, странам с традициями замкнутого образа жизни несколько легче перенести изоляцию, чем, например, средиземноморским, основанным на общении, частых походах в кафе и рестораны и туризме.

Сплотиться в изоляции

В период острого кризиса люди обычно стараются сплотиться, организовать в компании, держаться с близкими и семьями. Борьба с вирусом, наоборот, требует изоляции друг от друга, что и технически, и психологически сложно. Нам повезло, что сейчас мы имеем возможность удаленных работы и общения и через интернет. Но, разумеется, активную трудовую жизнь трудно заменить пассивным наблюдением. Пребывание на дачах в принципе упрощает изоляцию. К тому же в России число дач у семей, живущих в городах, намного выше, чем в развитых странах, где второй загородный дом — признак высшего среднего или высшего класса (пожалуй, в пределах 10-го наиболее состоятельного дециля). У нас это наследие шести соток Никиты Хрущева дает возможность изолировать членов семей, но вирусологов волнует заражение через магазины и трудность контроля и помощи при заболевании в сельской местности. В апреле еще можно в европейской части России отсидеться в городах. Но к майским праздникам, когда,

возможно, закончится жесткий карантин и все бросятся на свои участки возиться с цветами и фруктовыми деревьями, сажать картошку, возникнет новая социальная проблема и угроза нового витка распространения инфекции.

Кому вирус нипочем?

Психологически легче всего переносить изоляцию преподавателям, которые оказались даже перегружены лекциями и занятиями онлайн. Однако общий поток базисных знаний можно донести на удаленных лекциях, но с курсовыми несколько сложнее — они требуют больше индивидуальной работы. А главное, очень трудно перевести «Сократовское общение» в онлайн. Представим себе картину Рафаэля Санти «Афинская школа»: расположились в тогах на ступеньках, кто в зуме, кто по старинке в скайпе. Аристотель с Леонардо беседуют по «What's-Up», Микеланджело грустит — у него «сел» интернет, Алкивиад и Сократ разошлись на два метра. Аспирантка в белом обдумывает, у кого тут легче взять отзыв на диссертацию, Диоген посреди широкой лестницы самоизолировался. В нашем случае возможность поговорить с коллегами остается. Скорость передачи информации стандартизируется за счет техники, хотя намного труднее дифференцировать работу со студентами разного уровня подготовки и типа восприятия. Академические беседы с коллегами оказываются под вопросом. Нам придется что-то изобретать, чтобы сохранить приватность, глубину и тонкость беседы на том приватном научном языке, который обычно вырабатывается в научных школах как при учебе, так и при чаепитии. Пойти с коллегами в кафе удастся не скоро, пока лучше не настраиваться, хотя занятые в сферах деятельности, связанных с верхними «этажами» пирамиды Маслоу, легче перенесут изоляцию и перестройку горизонтальных связей, быстрее адаптируются, а потом легче восстановят элементы «старой жизни».

Изоляция, но не сон духа и разума

Важный аспект изоляции — перестройка духовной жизни. Известно, что в условиях войн многие обращаются к Богу, хотя иногда скрывают это, надеются на чудо спасения, выздоровления. Церкви как институту также придется перестраиваться, но это позволит провести в жизнь важные моральные послания о любви к ближнему, утешении, помощи, сострадании. Во время чумы в Европе в Средние века (и в Италии в наши дни) погибло много священников просто потому, что больных несли в церковь отпевать. Изоляция важна и в этой сфере, поэтому проповедовать во всем мире и у нас в стране все чаще священнослужители будут в социальных сетях.

Деловые состоятельные круги быстро адаптируются — они и раньше широко использовали цифровые технологии. Чиновникам легче управлять на некоторой дистанции от взволнованных граждан, а политикам надо не только эффективно работать, но и доказать, что они эффективно работают — сейчас за ними следят как никогда пристально. Когда пройдет пандемия, а рецессия еще будет мучить фирмы и людей, вот тогда начнется психологическая переоценка пройденного пути. Только медики, сотрудники служб обеспечения инфраструктур и жизненно важных услуг, таких как обеспечение населения продовольствием, теплом и светом, постоянно находятся на передовой борьбы с коронавирусом.

Эскалатор поехал в обратную сторону

Возвращаясь к социологии, можно оценить положение и реакции не по отраслям, а по социальным стратам. Тяжелее всего в мире и России будет гастарбайтерам, потерявшим работу или часть дохода: они не могут вернуться домой и оказывать финансовую поддержку своим семьям. «Свои бедные» во всем мире (особенно в развитых странах) будут как-то поддерживаться государством и благотворительными организациями. Может быть, общая опасность вызовет в людях чувство солидарности, что приведет к поддержке и помощи наиболее нуждающимся. Гораздо сложнее будет найти средства для помощи бедным в других странах, а частичный паралич транспорта и особенно санкции уже создают проблемы доставки средств защиты, лекарств и продовольствия в лагеря беженцев и другим нуждающимся.

Структура занятости по отраслям экономики будет меняться после пандемии достаточно существенно, но это отдельная тема. Рост безработицы в США уже идет — там очень гибкий рынок труда. В Европе малый бизнес больше привязан к рекреации, услугам и туризму, так что занятость в пострадавших отраслях составляет 20–25%. В США и России это несколько меньше, причем после пандемии отрасль легче начнет возрождаться на основе развития домашнего туризма.

Текущее личное потребление носит принудительно уравнивающий характер, хотя, конечно, у богатых качество и структура потребления все равно лучше, чем у бедных. Полное восстановление прежнего уровня и структуры потребления по выходе из пандемии сразу не произойдет. Средние классы выживут, но с некоторым снижением благосостояния, а неравенство доходов и активов (особенно в реальном выражении) быстро вернется и, скорее всего, усилится в силу тяжелых потерь доходов трудящихся в период безработицы и низкой экономической активности.

Пройдет и это...

Кто-то сумеет, как всегда во время кризисов, нажиться на подешевевших активах, кто-то напишет книгу, кто-то, наконец, женится или разведется. Отложенное потребление автомобилей и других товаров длительного пользования будет восстанавливаться постепенно. Можно надеяться, что сэкономленные в изоляции деньги будут потом потрачены на платья, галстуки и шляпы для замены надоевших джинсов, маек и свитеров.

Выход из кризиса будет базироваться на заключениях вирусологов, решениях чиновников и доверии граждан. Но всем нам надо будет обрести некоторый кураж, чтобы пойти в ресторан и театр после заточения. Представьте себе радость детей в парках, взрослых в Третьяковке и компаний, наверстывающих пропущенные дни рождения, — с этим мы справимся легко. А вот чтобы полететь в другую страну на курорт — тут как после давнего теракта, надо набраться смелости. ВОЗ, национальным органам эпидемиологического контроля придется обеспечить нечто вроде сертификации городов (источник туристов), курортов, чтобы заново запустить мировую сферу услуг и международный транспорт. В частности, это относится к круизным лайнерам, о которых в разгар пандемии очень много говорили как об источниках заражения. Надо полагать, для решения всех проблем потребуются двухсторонние дружеские соглашения, в частности с соседями (ЕАЭС, Китаем, странами БРИКС). Начнется и активная реклама стран, островов и курортных зон в стиле: «У нас вообще никто не болел!»

Пока под угрозой простоя в сезон 2020 г. находятся и отдаленные острова, и тропические курорты, и туристские центры, и побережья больших стран. На конец марта в мире осуществлялось только 60 тыс. авиарейсов в день вместо обычных 180 тыс. рейсов. Наверное, «Великая средиземноморская туристская империя» — примерно в границах Римской империи — потеряет большую часть туристов в этом году (в лучшем случае). Странам с высоким уровнем заражения в данный момент (Италия, Франция, Испания) потребуется больше времени на преодоление последствий пандемии, сертификацию и восстановление доверия иностранных туристов. Очевидно, что сначала станут открываться внутренние курорты во всех странах — тут будут применяться и жесткая рекламная конкуренция, и протекционизм, и промышленная политика, и импортозамещение.

Пройдет время, и воспоминания тех, кто пережил пандемию и рецессию 2020 г., станут очень разными. Но людские потери — самое страшное и памятное в любой войне. Большинство вздохнет свободнее и в основном начнет пытаться наверстать упущенное — здоровье, карьеру, спортивные занятия. Надо думать, что в наших воспоминаниях об этом времени — при всем различии по странам, социальным слоям и культурным кодам — будут элементы «Стокгольмского синдрома», т.е. мы постепенно забудем скуку и мороку изоляции и станем рассказывать друг другу, как именно мы выжили. Правда, большого разнообразия историй не стоит ожидать — весь мир столкнулся с одной проблемой, зато будет больше нюансов. Наконец, для полноты картины ждем потоков любовных романов и детективов «в эпоху пандемии»: маски, ложные диагнозы, обольстительные красотики в защитных костюмах, коварные друзья, захват собственности — все как всегда.

Наверное, в нашей стране в ходе пандемии и рецессии вряд ли улучшится демография — уж очень высока неопределенность будущего. Также слишком мало общения, мало личных знакомств — вотсап не заменит запаха духов и живых контактов. Невозможно собраться компанией: полицейские не дадут дойти, и маски не помогут. Видимо, в дальнейшем придется установить Международный день победы над коронавирусом — чествовать медиков и вспоминать ушедших! Станут ли люди лучше после перенесенных испытаний, пока трудно сказать — во время войн хорошие люди становились лучше, плохие — хуже. Обсудим это в другой раз, когда появится немного больше информации о реальной тяжести и длительности пандемии и рецессии. Но будем надеяться на «послепандемический бум» рождения детей.

Литература

- Григорьев Л., Салмина А. (2009) Вынужденная самозащита. Изменение модели личного потребления в условиях кризиса. *Время Новостей*, 9.09 2009.
- Почему Индии удается успешно сопротивляться COVID-19. (2020) Профиль. Еженедельный журнал. 19.03.2020. URL: https://profile.ru/abroad/pochemu-indii-udaetsya-uspeshno-soprotivlyatsya-covid-19-259902/?fbclid=IwAR0k9N1U6H67LhxjI_JVQqVof5_hogfq8x-Q3SPLw9EccGtwkml-7dH1Goo. (Дата обращения: 4.04.2020).
- IMF (2020) *World Economic Outlook*. “The Great Lockdown”, April 2020: Chapter 1.
- Scheidel W. (2017) *The Great Leveller: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century*. Princeton University Press. 504 pp.

Сведения об авторе

- Григорьев Леонид Маркович, доктор экономических наук, профессор, ординарный профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Россия. E-mail: lgrigoriev@hse.ru